

## КНИЖНАЯ ПОЛКА

**Аганбегян Абел. Экономика России на распутье... Выбор посткризисного пространства. М.: АСТ: Астрель, Владимир: ВКТ, 2010. — 379 с.**

Новая книга академика А. Г. Аганбегяна продолжает тему современного глобального кризиса, поднятую в его первой работе на эту тему «Кризис: беда и шанс для России» (2009 г.)<sup>1</sup>. Она вновь открывается призывом отнестись к кризису как к шансу. Автор приводит высказывание Альберта Эйнштейна: «Кризис стимулирует изобретательность, приводит к открытиям и выработке новых стимулов». Эта позиция автора ни в коей мере не может выступать как свидетельство недооценки им опасности кризиса. А. Г. Аганбегян проводит глубокий экономический анализ последовательности событий, приведших к мировому финансовому, экономическому и социальному кризису. Его заключения о продолжительности кризиса, в первую очередь в России, выглядят пессимистичными на фоне заявлений руководства страны о начавшемся росте. Изменения экономических показателей не обнаруживают устойчивой тенденции, и это, по словам Аганбегяна, свидетельствует о «копошении на дне», которое, вероятнее всего, перейдет в стагнацию или депрессию. «Конечно, — пишет Аганбегян, — со временем стагнация (депрессия) сменится оживлением, экономика восстановится. Ведь кризисы уходят и приходят, а экономики стран остаются и развиваются, в конечном счете, на благо людей» (с. 29). Ценным аналитическим инструментом является воссоздание в книге цепочки экономических и социальных последствий кризиса в России, которая показывает многообразность влияния кризиса (с. 43). Всю книгу пронизывает обеспокоенность автора продолжающейся инфляцией. А. Г. Аганбегян констатирует, что с октября 2008 г., когда прекратился рост общественного производства, стала расти безработица, а инфляция в годовом выражении превысила 12%, Россия вступила в полосу стагфляции.

Стагфляция — это новый экономический феномен, появившийся в конце 1960-х — начале 1970-х гг., который характеризует крайне противоречивый процесс, когда стагнация или спад производства и связанный с этим рост безработицы происходят в условиях значительного роста цен — повышенной инфляции. Автор отмечает, что с позиции сложившейся экономической теории такое сочетание выглядит невероятным. Во все предшествующие времена кризис приводил к снижению цен, поскольку в период кризиса предложение товаров всегда превышает спрос и кризисы не случайно назывались кризисами перепроизводства. Но в начале 1970-х гг. кризисные явления в США совпали с резким ростом цен на нефть, неурожаем и ростом цен на зерно, усилением влияния монополий на цены, огромным дефицитом госбюджета (прежде всего из-за войны во Вьетнаме). И лишь через 10 лет это положение удалось преодолеть. В России высокая инфляция товаров конечного потребления сопровождается снижением цен производителей. Глубинной причиной, осложняющей выход из кризиса, выступает то, что в России в период перехода к рынку не удалось сформировать настоящей конкурентной среды. Она существует лишь в пищевой промышленности, в сотовой телефонной связи и в некоторых других отраслях. Сохранение высокого уровня монополизма поддерживает завышенные цены. К росту инфляции приводит также и рост бюджетных расходов (примерно 35% в год),

<sup>1</sup> См. рецензию на эту книгу в «Финансы и бизнес» (2009, № 3, с. 228—230).

а также рост кредитов и рост денежной массы. Денежная масса (агрегат М2) увеличилась в 2006 г. на 49% и в 2007 г. на 48%, в то время как рост ВВП составлял 7—8%. Автор делает заключение, что выходу России из кризиса может помочь девальвация рубля, которая повлечет за собой сокращение импорта и стимулирование экспорта. Значительный вклад внесет оживление мировой экономики и увеличение спроса на нефть, газ, металлы, что увеличит приток валюты в страну. Немаловажно проведение последовательной антиинфляционной политики; снижение процентных ставок, что должно привести к росту ипотечного строительства жилья и потребления товаров длительного пользования. Все это даст толчок экономическому развитию России. В 2009 г. начала формироваться вторая волна кризиса, которая связана с необходимостью возврата банковских кредитов и, соответственно, с ухудшением финансового положения предприятий. Кризис вызывает и тяжелые социальные последствия. Прежде всего, это безработица, уровень которой в России составляет примерно 11% от экономически активного населения. Сама по себе эта цифра не выделяется на европейском уровне. Более того, официальный уровень безработицы в США примерно такой же, но, по оценке Джеффри Сакса, при пересчете занятых частично на условия полной занятости эта цифра повышается до 20%<sup>1</sup>, что сигнализирует о серьезной «болезни» экономики. В нашей стране рост безработицы приводит к существенному снижению реальных доходов населения не только потому, что значительная часть тех, кто ищет работу, не регистрируется в службе занятости, и не только вследствие низких пособий по безработице (от 800 до 4900 руб. в месяц), но из-за того, что это происходит на фоне инфляции, которая даже при неизменном номинальном доходе снижает реальный доход на 11—12% в год.

Выход из кризиса невозможен без существенного роста производительности труда, а это в свою очередь связано с мобилизацией социальных стимулов (с. 229). В качестве одного из них автор выделяет распространение потребительских кредитов, прежде всего на приобретение жилья. Соответственно, это могло бы стимулировать людей к получению более высокой заработной платы или предпринимательского дохода, к мобильности с целью поиска более высокооплачиваемой работы или лучших условий для развертывания своего дела. Но россияне не готовы к «жизни в кредит»: размер пенсий у нас составляет 25% от среднего уровня заработной платы, тогда как норматив, принятый МОТ, составляет 40—60% (во многих развитых странах средний размер пенсий достигает 80% от среднего заработка).

А. Г. Аганбегян убежден, что для развития рыночных институтов социальной сферы нам необходима реформа заработной платы — ее повышение в 1,5—2 раза, с тем чтобы за счет заработной платы производить отчисления в пенсионный фонд, полностью оплачивать жилье и коммунальные услуги, частично оплачивать медицинскую страховку и профобразование, а также уплачивать налог на недвижимость. То есть повышение заработной платы предполагает коренное изменение структуры расходов домохозяйств. Развитие накопительных пенсионных фондов позволит сделать шаг к решению проблемы «длинных денег», которые могут быть инвестированы в инновационные проекты.

А. Г. Аганбегян детально рассматривает проблему инноваций как катализатора экономического роста (с. 239—248). Он видит основу инновационного развития России в подъеме образования всех уровней — дошкольного, школьного, вузовского. В этой части книги автор демонстрирует понимание причин введе-

<sup>1</sup> Из выступления Дж. Сакса в Леонтьевском центре (Санкт-Петербург, 11 июня 2010 г.). На наш взгляд, такая оценка безработицы может включать и субъективную обеспокоенность Дж. Сакса состоянием экономики США и является интуитивной оценкой.

ния ЕГЭ, двухступенчатого обучения в высшей школе, но настаивает на коренном изменении методов обучения. Развитие высшей школы он видит в соединении образовательной деятельности университетов с проведением научно-исследовательской работы.

Автор подчеркивает, что успехи в социальной сфере предполагают, что России удастся добиться снижения уровня смертности и повышения качества медицинского обслуживания населения.

Подводя итоги, автор книги отмечает, что выход из кризиса в сторону оживления и подъема зарубежные экономисты часто обозначают буквой «V», символизирующей то, что после существенного спада общественного производства происходит столь же существенный подъем. Другой вариант обозначается как «U» и включает непродолжительную депрессию. Третий вариант, наихудший, обозначается как «L», где стагнация (депрессия) продолжают неопределенно долго. Чтобы избежать этого, Россия должна совершить определенный экономический маневр, основные черты которого прописаны в книге и резюмируются в заключении (с. 374—378). Все рассуждения и заключения автора подкрепляются цифрами, причем А. Г. Аганбегян ни разу не высказывает своего отношения к их достоверности и полноте круга показателей, хотя трудно представить, чтобы у А. Г. Аганбегяна не было бы претензий к нашей официальной статистике.

Наша рецензия не охватывает многих логических ходов, результатов, международных и межотраслевых сравнений и т. д., представленных в книге. Можно с уверенностью сказать, что по своей злободневности, аналитичности, многоаспектности книга А. Г. Аганбегяна заслуживает того, чтобы стать настольным пособием, руководством к действию как для правительственных структур, так и для предприятий и организаций. Во введении А. Г. Аганбегян отмечает, что развитие кризиса может заставить его написать третью книгу на эту тему. Как бы ни развернулись события, их анализ, данный «экономистом от Бога» А. Г. Аганбегяном, позволит и управленцам, и ученым, и всем заинтересованным лицам лучше и глубже понять вектор экономического и социального развития, его причины и возможные следствия.

*И. И. Елисеева,*  
чл.-корр. РАН

Санкт-Петербургский государственный  
университет экономики и финансов

**Ahamed L. Lords of Finance: 1929, the Great Depression, and the bankers who broke the World. London: Windmill books, 2009. — 564 p.**

Кризис всегда воспринимается современниками как явление уникальное, аналогов которому еще не было. При этом глубина его недооценивается, и часто возникает соблазн объявить проблемы уже преодоленными, хотя кризис просто перешел в другую форму. Не исключение и текущий мировой финансовый кризис, который на наших глазах превращается в валютный. При этом через какое-то время выяснится, что надзорные органы не осознавали важных движущих сил кризиса и не смогли вовремя осуществить необходимые мероприятия по сдерживанию кризисных явлений. Впрочем, их в этом обвиняют уже сейчас.

Лекарством от обеих болезней восприятия кризиса (переоценке уникальности и отсутствии комплексности) является изучение экономической истории.

Она позволяет нам понять, что в развитии кризисов имеется много закономерностей, а ошибки надзорных органов типичны. При этом следует изучать не только общую схему, что называется, «по верхам», или стилизованные факты, пригодные для формализации с целью построения стандартной модели экономической политики, а все тонкости, включая поведение различных рынков, изменение общественных настроений, политический процесс (скажем, результаты выборов, публикации авторитетных журналистов и т. п.) и субъективные особенности лиц, принимающих решения.

Таким исследованием является рецензируемая книга «Властители финансов: 1929 г., Великая депрессия и банкиры, разрушившие мир». Она представляет собой исследование мировой финансовой и валютной системы между двумя мировыми войнами. В книге содержится много интересного материала как по предмету исследования, так и по смежным вопросам. Самое важное, что в книге представлены личности тех, кто принимал решения, со всеми их достоинствами и недостатками, так что история из абстрактной схемы превращается в живой процесс, приобретает голос.

Основная мысль книги заключается в том, что возникновение мирового экономического кризиса (который известен в США как Великая депрессия) и последующее сползание к мировой войне было следствием ошибок макроэкономического регулирования в ведущих странах — США, Великобритании, Германии и Франции, прежде всего недостаточной гибкости по вопросу о репарациях и слишком быстрого восстановления золотого стандарта. Автор достаточно аргументированно поддерживает свою позицию.

С одной стороны, завышенные требования о репарациях (особенно со стороны Франции) спровоцировали экономические трудности в Германии, усугубившиеся неадекватным поведением Рейхсбанка по раскручиванию гиперинфляции. А в конце 20-х — начале 30-х годов в свете развития мирового кризиса необходимость выплачивать высокие репарации (по плану до середины 60-х годов) подталкивала бизнес-круги и население Германии к поддержке национал-социалистов, которые обещали решить проблему радикально.

С другой стороны, сосредоточение мирового золотого запаса в США после Первой мировой войны (популярный экономический миф состоит в том, что это произошло только после Второй мировой войны) вынуждал денежные власти этой страны занижать учетную ставку, чтобы поддерживать фиксированные валютные курсы в рамках золотого стандарта. Но это приводило к слишком дешевому кредиту и провоцировало надувание биржевого пузыря с одновременным избыточным кредитованием американскими банками европейских государственных и корпоративных заемщиков, часто с переоценкой качества последних. Иными словами, мировая финансовая система работала как своего рода финансовая пирамида. Попытки ее притормозить вызвали биржевой кризис в США, с которого и началась Великая депрессия, и кризис золотого стандарта, усугубившийся кризисом неплатежей в Европе. В результате мировая экономическая система сегментировалась и рухнула, что открыло дорогу военному решению экономических противоречий.

Резкое сдувание биржевого пузыря, кредитный и валютный кризис являются характерными чертами и современного кризиса. В результате возрастает привлекательность альтернативных мировых центров. Приведет ли это к сегментации мирового рынка и нарастанию противоречий, которые можно будет решить только силой?

Формально книга посвящена истории четырех руководителей центральных банков: Монтагю Нормана из банка Англии, Бенджамина Стронга из Федерального резервного банка Нью-Йорка, Горация Хьялмара Шахта из Рейхсбанка

Германии и Эмиля Моро из Банка Франции. Именно они названы Властителями финансов, так как вся мировая финансовая система в буквальном смысле зависела от их решений. Пятым героем книги является великий экономист Джон Мейнард Кейнс, идеологический противник первых четырех героев и критик идеи золотого стандарта.

По мнению автора, золотой стандарт был восстановлен на основе искусственных обменных курсов (они были завышены для Британии и Германии, но занижены для Франции), не соответствовавшим золотому запасу стран. Хотя его введение дало положительный краткосрочный эффект, в средне- и долгосрочном плане эта позиция была крайне уязвима. Более того, эта уязвимость усиливалась особенностями экономической политики, которая скорее ориентировалась на краткосрочные обстоятельства. При этом имелись определенные институциональные ограничения на оперативность принятия надзорных решений, особенно в США.

Первой из ведущих стран от золотого стандарта отказалась Британия. История была крайне драматической: в сентябре 1931 г. Банк Англии терял огромные запасы золота, так что поддержание золотого содержания фунта стерлингов представлялось невозможным. А сам М. Норман в это время возвращался из США на океанском лайнере и был недоступен для принятия решения (у него не было с собой шифровальных кодов, а писать телеграмму прямым текстом было нельзя из-за возможной утечки). Поэтому сотрудники написали эзоповым языком: «Мы вынуждены уйти завтра и не можем дожидаться Вашего приезда, чтобы сделать это.» Норман настолько сильно верил в золотой стандарт, что не понял смысла телеграммы и решил, будто речь идет о просьбе о дополнительном выходном. Через день, когда он приехал, он был сильно шокирован известием о выходе страны из золотого стандарта.

У. Черчилль, который, будучи в 1925 г. канцлером казначейства, способствовал возврату золотого стандарта в Британии, считал впоследствии это своей одной из самых серьезных ошибок в карьере, сделанных под влиянием Нормана. После выхода Британии из золотого стандарта он просто отказывался обсуждать этот факт своей биографии.

В то же время автор описывает выход США из золотого стандарта совсем в других выражениях. США имели золото в избытке для поддержания золотого стандарта. Однако, согласно автору, отказ был осуществлен популистом Рузвельтом, стремившимся реализовать свою левацкую программу Нового курса. Он якобы даже не посоветовался со своими финансовыми советниками. А те восприняли этот факт чуть ли не как победу коммунизма в США.

В книге подробно показана официальная жизнь героев: встречи, переговоры, принятие решений. При этом она изображена на фоне личной жизни: как решения и жизненная позиция зависели от характера, от обстоятельств и от влияния других лиц. Книга наполнена драматическими подробностями.

В ней рассказывается, как Шахт, будучи комиссаром министерства финансов по валюте, создавал проект устойчивой немецкой марки, сидя один в глубинах министерства, в маленьком пустом кабинете, переделанном из мужского туалета, в то время как президент Рейхсбанка фон Хавенштайн в своем огромном особняке все сильнее раскручивал спираль гиперинфляции (цены измерялись в триллионах марок). Как только денежная реформа доказала свою эффективность (рост цен остановился, а экономика оживилась), фон Хавенштайн умер от разрыва сердца, осознав ошибочность своей политики.

Также интересна история о том, что Норман предпочитал путешествовать инкогнито, называя себя профессором Кларенсом Скиннером, так как боялся, что информация о его поездках, даже частных, может спровоцировать валют-

ный кризис. Или история о том, что Эмиль Моро так стеснялся незнания английского языка, что послал на встречу ведущих банкиров своего заместителя. Или рассказ о том, что Стронг, умирая от туберкулеза легких, но в то же время работая из последних сил, пытался оттянуть момент крушения финансовой системы.

В книге содержатся личностные характеристики и многих других персонажей. Так, например, про лорда Канлиффа, главу Банка Англии во время Первой мировой войны и руководителя британской делегации на послевоенных переговорах о репарациях, сказано, что он был человек энергичный, немногословный и еще менее склонный думать, чем говорить. А последний министр финансов Германии до прихода национал-социалистов фон Папен охарактеризован как бывший кавалерийский офицер, единственный талант которого состоял в умении хорошо ездить на лошади.

Особое внимание автор книги уделяет истории жизни и творчества Кейнса, важного чиновника, ученого с мировым именем, ставшего известным уже при жизни, автора балетных либретто, удачливого биржевого спекулянта, мецената и коллекционера. Работы Кейнса всегда были направлены на злобу дня. Не зная особенностей экономического процесса в межвоенный период, нельзя адекватно понять его труды, не говоря уже о том, о чем Кейнс регулярно писал в газетных колонках. Даже «Общая теория занятости, процента и денег» была определенным обобщением его публицистических работ. Вся научная и общественная карьера Кейнса, по представлению автора книги, состояла в борьбе с золотым стандартом и подготовке нового валютного порядка, нашедшего свое выражение в Бреттон-Вудской системе. Тем не менее поучителен рассказ о том, что Кейнс как британский представитель готовил проект нового мирового валютного порядка в кооперации с сотрудником Казначейства США Гарри Уайтом, который впоследствии оказался советским агентом.

Хотя книга написана для широкого читателя, автор поддерживает достаточно высокий уровень академических стандартов. Поэтому ее можно рекомендовать специалистам в области макроэкономической политики, международных финансов и валютных систем как дополнение к общим теоретическим схемам. Впрочем, любой экономист или просто лицо, интересующееся экономической историей, найдет в ней много интересного.

*А. А. Кудрявцев,*  
канд. экон. наук  
Санкт-Петербургский  
государственный университет